

атмосферы” “Княгини Лиговской” вряд ли случайно, что фамилия приятеля Печорина – Браницкий. Конечно, Лермонтов имел здесь в виду лишь распространённую польскую аристократическую фамилию, часто звучавшую в Петербурге: потомки великого коронного гетмана и генерал-аншефа русской службы графа Франца-Ксаверия Корчак-Браницкого традиционно придерживались прорусской ориентации и служили в Петербурге в гвардии. Однако интересно, что несколько позже, в 1839–1840 гг., именно Ксаверий Корчак-Браницкий, друг Лермонтова и участник “кружка шестнадцати”, будет развивать мысли о том, что историческая миссия России, объединившей славян, лежит на Кавказе и – шире – на Востоке»¹.

Образ Печорина в романе «Княгиня Лиговская» сложен и противоречив. Он, оставаясь в целом в рамках романтической поэтики, открывает в творчестве М. Ю. Лермонтова путь к новому герою, Печорину «Героя нашего времени», который во многом определил развитие русской литературы XIX века и стал предтечей героев Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

А. Ю. Сорочан

ПРОЕКТ ФУРМАНА: КОНСТРУИРОВАНИЕ БИОГРАФИИ ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

This article devoted to the unique publishing project of P. R. Furman, carried out in 1840–1850th years: 10 biographic books about characters of Russian history for children's reading. Books of Furman, thanks to a successful choice of subject schemes and selection of characters, have been rather widely demanded prior to the beginning of the XX-th century. The history of this project and its further development after Furman's death gives weight of possibilities for judgement of biographical canons in Russian culture. Furman in children's books, leaning against traditional ideological concepts, at the same time maneuvers between «an official nationality» and more liberal doctrines. Mythologization and demythologization of heroes presents in this texts, and our analysis allows to reconstruct one of the first developed «biographic myths» in XIX century.

Key words: children's literature, biography, historical fiction, canon.

В исторической беллетристике для детей биографические произведения занимают особое место. Это касается не только количества, но и – в гораздо большей мере – качества. Биографическая литература для

¹ Лотман Ю. М. «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. С. 230.

детей неоднократно привлекала внимание исследователей. В последние десятилетия установилось мнение, что «канон занимательного жизнеописания», восходящий к донаучным представлениям о связи жизни и творчества¹, сформирован биографиями писателей, созданными в 1890-х гг. В. П. Авенариусом. Как будто в этом утверждении нет преувеличения: биографии Авенариуса вошли в круг детского чтения и сформировали то условное представление о жизни великих, которое перекочевало в литературу XX века. Более того – до Авенариуса циклизации в биографиях для детей как будто не было (в сборники С. Н. Глинки² входили не только биографические сочинения). Однако на самом деле такого рода биографические проекты конструировались и раньше – и одному из них посвящено настоящее выступление. Схема жизнеописания для детей создаётся до Авенариуса – и оказывается очень продуктивной.

Ответственным за её создание стал Пётр Романович Фурман (1809–1856). Фурман с середины 1840-х гг. сотрудничал в «Сыне Отечества», «Иллюстрации», «Санкт-Петербургских Ведомостях», «Репертуаре и Пантеоне» Песоцкого, «Литературной Газете», где помещены его исторические романы, повести, фельетоны. С начала 1850-х гг. стал редактором и издателем «Сына Отечества», сменив К. П. Масальского, деятельным помощником которого оставался в 1840-х гг. Правда, журнал вскоре закрылся; в последние годы жизни Фурман редактировал «Ведомости Санкт-Петербургской Городской Полиции». Ему принадлежит целый ряд исторических романов, но особую популярность Фурману принесли книги для юношества: «Друг детей. Записки Петра Ивановича» (1843); «Детские комедии, повести и были» (1844); «Альманах для детей» (1847). Среди них выделяется серия биографий, о которой и пойдёт речь далее. Сначала мы рассмотрим развитие проекта и его историческое значение, а потом попытаемся ответить на вопрос: что же, собственно говоря, создал Фурман и в чём привлекательность его как бы биографий, популярных более 50 лет...

Проект серии был задуман самим автором, который в 1846–1849 гг. издал за свой счёт 10 биографических книг на сюжеты из русской истории. Выбор героев и эпох весьма интересен: «Саардамский плотник»; «Александр Данилович Меншиков», «Потёмкин-Таврический», «Суворов-Рымникский», «Яков Долгоруков», «Ближний боярин Артамон Матвеев», «Наталья Долгорукова», «Пётр Жданов, московский купец», «Михаил Васильевич Ломоносов», рассказы и повести. Как легко заметить, тексты внутри серии расположены достаточно прихотливо. В основном книги посвящены лицам и событиям XVIII века; при этом, в нарушение традиции, героями повестей становятся не монаршие особы,

¹ Чудакова М. О. В. П. Авенариус // Русские писатели. 1800–1917. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 17.

² Русские исторические и нравоучительные повести. М., 1810 и др.

а люди иных сословий. Место единственного текста, посвящённого императору (повесть «Саардамский плотник» – о Петре I), остаётся дискуссионным. Традиционно считается, что «Плотник» написан и издан последним, в 1849 г. Но существуют экземпляры книги, датированные 1847 годом... В целом, выбирая характерных персонажей из разных эпох, Фурман стремился сделать как будто доступными юным читателям их биографии. Но так ли это? К единству замысла серии нам предстоит ещё вернуться.

Фурман относился к своему начинанию как к рыночному проекту; первым из таких проектов стал сборник «Детские комедии и повести», два выпуска которого вышли в 1843 и 1844 гг. К выходу новой серии, видимо, учтя прошлые ошибки, Фурман приурочил рекламную кампанию. Рецензии в газетах и журналах появлялись и при первых изданиях, и при переизданиях. Вот, к примеру, текст из «Сына Отечества»: «Не берёмся судить о достоинстве этой книги, но вместе с тем не можем не радоваться, что уже два издания, напечатанные оба в значительном числе экземпляров, удостоились благосклонного внимания родителей. Что до третьего издания, то оно вполне изящно...»¹ Излишне говорить, что автором его был сам Фурман – в журнале он отвечал за критику.

Позднее, после ликвидации дел «Сына Отечества», серия была забыта, пока в 1880-х гг. на неё не обратил внимания Н. Г. Мартынов. В 1886–1887 гг. повести были перепечатаны под общим заглавием «Историческая библиотека». Стараниями Мартынова книги попадают в указатель Министерства народного просвещения для средних учебных заведений и – что ещё важнее – в каталог книг, одобренных для употребления в низших училищах². Отдел учёного комитета Министерства народного просвещения постановил одобрить книги Фурмана для ученических библиотек низших и средних учебных заведений мужских и женских³. Одобрены они были одновременно с другими книгами, принадлежность которых к золотому фонду биографической литературы неоспорима – речь идёт о произведениях С. Т. Аксакова.

В указателе Х. Д. Алчевской «Что читать народу?» появляется следующий отзыв об «Исторической библиотеке»: «Заглавия названных выше повестей Фурмана ничего не говорят теперешним детям и юношеству <...> Но сколько хороших воспоминаний из далёкого детства соединено с этими повестями у людей уже немолодых <...> при просмотре тотчас замечается, что они наследие доброго старого времени, когда книги какого бы то ни было содержания непременно должны были заключать нравоучительные страницы. Относясь к повестям Фурма-

¹ Сын Отечества. 1851. № 1. Критика и библиография. С. 42.

² Опыт каталога ученических библиотек. №№ 1187–1196.

³ Отношения от 19 ноября 1886 № 16491, 27 июня 1889 3 11128, 27 ноября 1890 и 15 октября 1901 № 17507. См.: ЖМНП.

на с требованиями нашего времени, и теперь, по сравнению их с большей частью исторических повестей, фабрикуемых для детского и семейного чтения, придётся за ними оставить их прежнее почётное место». Следует вывод: «Книги желательны в народной библиотеке»¹. Конечно, чистейшим совпадением надо считать тот факт, что Мартынов как раз перед публикацией этого отзыва издаёт несколько детских сборников под редакцией Алчевской. В последующих изданиях «Что читать народу?» добавляются отзывы об отдельных повестях серии. Повесть «Наталья Борисовна Долгорукова» оценивается выше, чем поздние произведения на ту же тему – скажем, книга Т. Толычевой «Наталья Борисовна Долгорукова и берёзовские ссыльные» (М., 1874). В критике появляются и другие комплиментарные отзывы². Мартынов переиздаёт «библиотеку» ежегодно, её рекомендуют для подарков учащимся и нижним чинам. В каждом издании повести сопровождаются интересно составленными объёмными рекламами... Каждое издание выходит в нескольких версиях – без переплёта, в переплете, в папке... Только с появлением книг Авенариуса мартыновская фабрика даёт сбои. И Фурман пропадает из круга подросткового чтения.

Сама по себе история коммерческой биографической серии весьма любопытна. Но не менее любопытен и первоисточник.

Тексты Фурмана могут показаться наивными и даже безграмотными. В них есть масса погрешностей против хорошего вкуса. Вот, скажем, выясняют отношения герои в «Артамоне Матвееве»: «– Тятка, домой хочу, – проворчал Ванюха, но отец сильным толчком в затылок зажал ему рот»³. Или «педагогическое» отступление из той же повести, демонстрирующее все особенности стиля Фурмана: «Друзья мои, нет любви выше и святее той, которую родители питают к своим детям. Любовь эта основана на совершенно бескорыстном чувстве, и счастливы те родители, которым дети платят признательностью за любовь! <...> Доказательства же <любви> не требуют больших усилий с вашей стороны. Исполняйте только то, что от каждого из вас требуют; исполняйте это по мере сил ваших и родители будут счастливы»⁴.

Место этих произведений в системе жанров исторической прозы оставалось неясным и самому автору. Названия и даже жанры произведений в разных изданиях варьировались (нам попался курьёзный экземпляр «Александра Меншикова», где на обложке значится «роман», в оглавлении «повесть», а в содержании «рассказ»).

¹ Алчевская Х. Д. Что читать народу? В 3 т. Х., 1892. Т. 2. С. 685–686.

² См., например: Толль Ф. Г. Наша детская литература. Опыт библиографии отечественной детской литературы. СПб., 1862. С. 151–153.

³ Фурман П. Р. Ближний боярин Артамон Матвеев. СПб., 1848. С. 21.

⁴ Там же. С. 28–29.

Какими же свойствами исторических биографий можно объяснить их значительную востребованность? Думается, ответ следует искать в сочинениях литературного наставника Фурмана, К. П. Масальского, который ещё в романе «Стрельцы» предложил модель исторического повествования, адаптированную Фурманом к детскому чтению¹.

Человек у Масальского – представитель «малых социальных групп». Несколько незыблемых принципов характеристики этих групп в рамках авторской концепции приобретали значение единственного содержания истории. Масальский с самых первых произведений тяготел к «драматическому способу изложения» в прозе, стремясь показать «добродетели и пороки не из рассказа, а из слов и поступков»². Эта мысль заявлена в прологе «Стрельцов»; это же преобладание слов и поступков обнаруживается у Фурмана. Но смысл истории, скрытый за сюжетными хитросплетениями, очень прост. «Нравственная цель» «Стрельцов» – «представить в верной картине ужасы мятежей и безначалия, вредные последствия насильственных переворотов в государстве, правосудие Провидения, не оставляющего без наказания виновников возмущений, и достойные примеры преданности церкви, престолу и Отечеству» (37).

Программа действий, намеченная в «Стрельцах», реализуется положительными героями всех исторических романов Масальского и Фурмана – здесь можно цитировать того и другого, не обнаруживая ни малейших отличий: «Трудно обмануть того, кто Бога помнит, царя почитает и ближнего любит, как следует христианину» (45); «Я служу не лицу, а государю и Отечеству <...> обязан наперёд всё узнать основательно, размыслить и потом действовать согласно с долгом моим к престолу и отечеству»³. Как видим, в качестве неизменной основы действий положительных героев выступают общие гражданские добродетели (свойственные не конкретной национальности, а всем полезным членам общества), отрицательные же герои своевольно нарушают эти добродетели. Положительные герои – те, которые стремятся всеми силами сохранить раз и навсегда установленные с начала истории положение вещей и законы. Стремление к статусу лишено чёткой национальной направленности, оно является исходным, важнейшим для романиста качеством. Против этого благодетельного для государства во все времена status quo выступают отрицательные персонажи. Сунбулов в «Стрель-

¹ Следует отметить, что в детское и народное чтение перешли с 1850-х гг. и сочинения Масальского. Вспомним зачитанный том «Стрельцов» в комнате Фенички в «Отцах и детях» или совсем недавние переиздания романов и повестей Масальского в серии «История России в рассказах для детей» (М.: Современник, 1995).

² Масальский К. П. Стрельцы; Русский Икар; Чёрный ящик. М.: Пресса, 1994. С. 35. Далее это издание цитируется с указанием страниц в тексте.

³ Масальский К. П. Регентство Бирона // Русская историческая повесть первой половины XIX века. М.: Правда, 1989. С. 402.

цах» начинает бунт с того, что дерзает толковать устоявшийся порядок престолонаследия: «Беззаконно обойти старшего царевича!» (52); этот сюжет без изменений и даже с сохранением отдельных фрагментов текста Масальского воспроизведён в самой обширной повести Фурмана – о боярине Матвееве. Дерзнув отступить от статуса в чём-то одном, «злодеи» неизменно приходят и к отрицанию всех прочих его составляющих: «Жизнь царя тесно соединена с благом Отечества и с неприкосновенностью церкви православной, которую угрожает поколебать Аввакумовская ересь, заразившая большую часть стрельцов» (80). Бирон, к примеру, тоже нарушает status quo: иностранец не мог быть регентом в чуждом ему государстве.

В таких условиях герои романов Масальского и Фурмана начинают вести борьбу за status quo: возвращение на круги своя – вот основа исторических коллизий, составляющих основу большинства сочинений романистов. Самим носителям status quo чужды подобные «анархические побуждения»: «Я не верю, чтобы вы сами захотели покрыть себя вечным позором и восстать против вашего законного царя; верно, подучили вас злые и коварные люди» (100). Усилия «героев статуса» в конце концов увенчиваются успехом. Несомненно, неприкосновенность царской власти и установленного порядка престолонаследия – основное положение в «историческом» status quo Масальского.

Для Масальского важно было определить некую точку наиболее полного воплощения общественного статуса, такой образцовый период, когда принципы, обозначенные выше, сделались всеобщими, и максимальная полнота их воплощения стала целью всех жителей государства. В качестве точки отсчёта Масальский избрал время царствования Петра Великого: «Стрельцы только останавливали государя на каждом шагу в его великих предприятиях» (338). С их уничтожением исчезают внутренние преграды к воплощению идеала социальной статики. И у Фурмана петровская эпоха оказывается отправной точкой всех построений – ссылки на Петра присутствуют во всех без исключения повестях, даже в тех, где император собственной персоной не появляется.

В сущности, вся послепетровская эпоха рассматривается как некое неподвижное единство, к которому применяются одни и те же критерии. И это, в конце концов, привело Масальского к отказу от исторического изображения действительности. Трактовкой status quo как основы исторических и характерологических построений и воспользовался Фурман, избежав ошибок предшественника. Он пишет для детей и включает в ряд констатирующих идеологем несколько значительных дополнений.

В его повестях герой не выходит за пределы своей социальной группы, т.к. стремится сохранять положение вещей. У каждого есть своё место в социальной структуре, обозначенное в заглавии: «царский министр», «ближний боярин», «русский купец», «царская невеста». Это место герою надлежит знать, как надлежит ему исполнять всё, что нужно

для блага государства. Пока дела идут по традиционной схеме – всё хорошо. Если status quo нарушается, оценка героя становится двойственной.

Петровская эпоха – время, когда сильная воля государя формирует то положение вещей, которому надлежит остаться неизменным. Однако при установлении порядка возможны и некоторые потрясения. К таковым относится судьба Меншикова. У Фурмана он выступает героем, спасителем царя, верным другом, но – честолюбцем, взяточником, казнокрадом. Как объяснить несоблюдение героем нормативов социального поведения? Почему человек, облечённый доверием царя и занимающий в государственной структуре строго определённое место, совершает поступки, нарушающие status quo. Сначала на этот вопрос отвечает император: «Неужели я ошибся в тебе? Неужели моя любовь не облагородила твоего подлого, рабского сердца? Неужели князь Меншиков остался тем же мужиком <...> Встань, я возвысил тебя до звания Друга Царя, а ты сам своими поступками унился!»¹.

Но эта интерпретация явно оказывается недостаточной. Стремясь подчеркнуть неизменность социальной структуры, автор предлагает иное, более развёрнутое объяснение: «Причину низкого корыстолюбия следует отнести к тому низкому состоянию, в котором он родился и вырос не потому, милые дети, чтоб у человека низкого происхождения не могли быть добрые качества»². Далее Фурман излагает две причины, одна из которых имеет отношение к сложившемуся порядку, а вторая – к средствам его достижения. «...проведя первые годы своей жизни в бедности, почти в нищете, он понял цену деньгам и невольно пристрастился к ним»³. Другая же причина – недостаток «полезных нравственных наставлений», отсутствие положительных примеров. Такие примеры Фурман и стремится дать, чтобы отвратить юных читателей от пороков и утвердить их в понимании положительных сторон сложившегося порядка. Именно это двойственная задача (педагогическая и политическая) приводит к некоторой противоречивости стандартного облика героев в повестях «Исторической библиотеки».

Композиция всех повестей Фурмана одинакова: подробный беллетризованный рассказ о детстве с полуфантастическими вставками, далее сухой документальный отчёт о деяниях, затем лирическое описание отдельных эпизодов из жизни (смерть героя, как правило, изображена более чем скупой). Осознание статуса в детстве продолжается действиями, подтверждающими статус, и дополняется отдельными героическими (или, наоборот, негероическими) поступками, иллюстрирующими центральную мысль автора. Начальные эпизоды смело изобретаются, из дальнейшей,

¹ Фурман П. Александр Данилович Меншиков. СПб.: Изд. Н. Г. Мартынова, 1906. С. 95.

² Там же. С. 123–124.

³ Там же. С. 135.

документированной жизни героев излагаются лишь те сцены, которые вписываются в статичную модель существования человека исторического.

В схему социального устройства включаются специфические элементы биографической схемы, имеющие воспитательное значение. Индивидуальные свойства становятся у героев общими: образованность (т.е. начитанность) понимается как основа педагогического идеала. Все герои эту образованность демонстрируют весьма примитивно, зато показательно в первых же главах повестей. Впрочем, о функциях детского чтения в исторической прозе уже немало написано¹.

Тема пьянства в «Исторической библиотеке» никак не связана с предполагаемой аудиторией; более того, в книгах для семейного чтения натуралистические изображения употребления спиртных напитков явно не приветствовались в 1840-х гг. А у Фурмана то пьяный Ломоносов в кустах лежит, то стрельцы опохмеляются, то – о ужас! – сам царь Пётр принимает горячительные напитки. Объяснение оказывается довольно простым – П. Р. Фурман был долгие годы ближайшим сотрудником К. П. Масальского и одним из основных авторов «Сына отечества». А основной причиной коммерческого краха издания была, как давно известно, приверженность Масальского к алкоголю. Свои ли впечатления отражал Фурман в текстах, вразумлял ли редактора – это уже не так важно. Главное, что все немногочисленные «взрослые» темы в исторической библиотеке имеют биографическое основание, а «детские» нравовучения связаны с воспринятой Фурманом программой социального статуса. Тем самым условное описание исторических коллизий сталкивается с современными наблюдениями и порождает весьма сложный и не всегда удачный в итоге биографический текст.

Проект Фурмана интересен с коммерческой точки зрения – но есть ли смысл обращаться к нему историку литературы? Или перед нами ещё одна форма исполнения социального заказа по воспитанию «идеальных граждан»? Фурман выстроил целую серию портретов таких граждан, ухитрившись не повториться ни разу и создав для каждого из героев свою нишу. Конструкция исключительно продуктивна – и Авенариус воспользовался только первой её частью в создании своих популярных повестей. Более того – аналогичный проект был предпринят с совершенно иных социальных позиций. Я имею в виду десяти томное собрание биографических повестей о революции и гражданской войне, подготовленное С. А. Ауслендером (издание не было завершено). Схема, может быть, варьируется, но обращение с историческим материалом совершенно не изменилось. Думается, при анализе биографической литературы следует чаще обращаться к первым опытам, которые помогут прояснить не только генезис, но и закономерности дальнейшего развития

¹ См., например: Сорочан А. Ю. Читающий ребёнок в исторической прозе XIX века // Мир детства и литература. Тверь: Марина, 2008. С. 16–22.

биографии как жанра. Фурман создавал не описание жизни, а описание статуса. Он подменил развитие сюжета развитием схемы – и подмены долгое время никто не замечал. Очарование биографического мифа во все времена было значительно – оно оказывалось сильнее реальности...

Е. Н. Брызгалова

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ МОТИВ В ПОЭЗИИ САТИРИКОНЦЕВ

The article deals with the creative activity of poets of satire, urbanistic motive in their pre - revolutionary and emigrant verses. Such collections of verses as «Ridiculous love» by P. P. Potyomkin, «Satire», «Satyres and the lyrics» by Sasha Cherny, «Having put on a raincoat» by Don-Aminado and other works are used.

Key words: a city, urbanistic motive, poets of satire, an artistic image, comparison.

Урбанистический мотив – один из доминирующих в поэзии Серебряного века, что уже было подмечено критикой того времени. Так, один из современников писал о символистах, что всё их творчество «вышло из шумного города»¹. Но в творчестве разных поэтов городской мотив воплощался по-разному. Например, у В. Я. Брюсова город – это привычное место обитания героя, средоточие цивилизации, современный мир. В поэзии А. А. Блока город (это всегда Петербург) – порождение «страшного мира». В нём постоянно ощущается тонкая грань между реальностью и сном, он призрачен и зыбок. В стихах О. Э. Мандельштама читатель видит всемирно известные памятники архитектуры как неотъемлемую составляющую культурного пространства. В стихах поэтов-сатириконцев город тоже играл важную роль, и урбанистический мотив был характерен для каждого из них.

Приведём несколько примеров, иллюстрирующих многогранное восприятие города. Как и у А. А. Блока, А. Белого, А. М. Ремизова и других, у сатириконцев город в дореволюционном творчестве чаще всего ассоциировался с Петербургом. Они воспринимали его традиционно, поэтому в их стихах можно обнаружить привычные для читателя черты: призрачность, странность, загадочность и т.д. («О, самый призрачный и странный // Из всех российских городов!» – Н. Я. Агнiewicz «Странный город»²). Во многих стихах сохраняется и отрицательная маркировка города. Например, в стихах В. И. Горянского («Цветы на камне», «Молитва улицы»), Саши Чёрного («У канала ночью», «Тучков мост», «На

¹ Гроссман Л. Символизм и народничество // Одесские новости. 1909. 6 июня. С. 2.

² Петербург в русской поэзии XVIII – начала XX века: Поэтическая антология. Л.: Наука, 1988. С. 366.